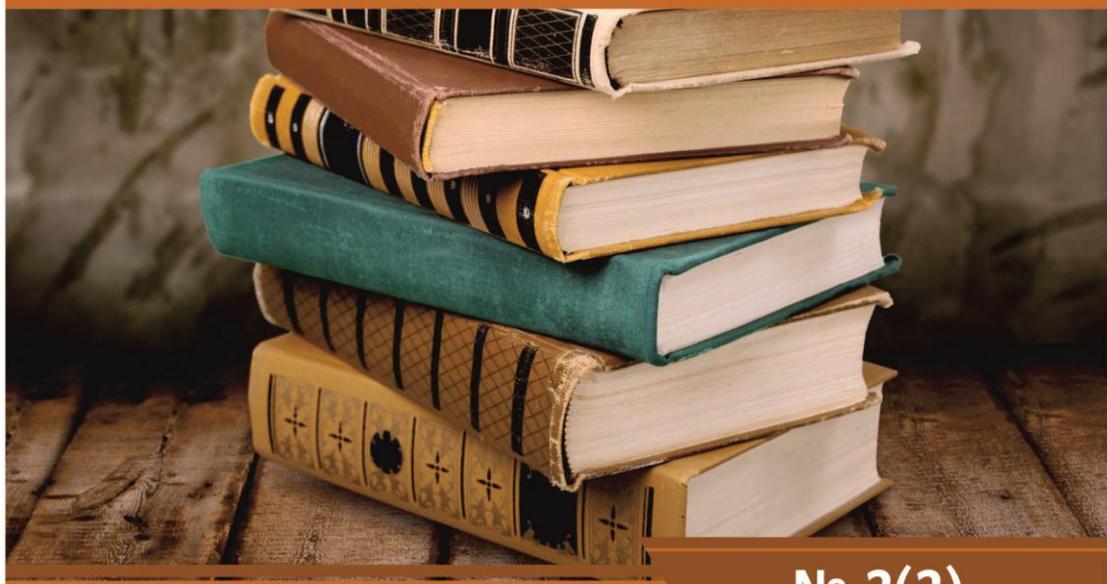

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

РИНЦ

№ 2(2)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

МОСКВА, 2016

НАУЧНЫЙ ФОРУМ: ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Сборник статей по материалам II международной заочной
научно-практической конференции*

№ 2 (2)
Декабрь 2016 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2016

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

НЗ4

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, г. Киев, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Воробьева Татьяна Алексеевна – канд. филол. наук, доц. кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета, Россия, г. Череповец;

Назаров Иван Александрович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Государственного Бюджетного Учреждения Культуры г. Москвы, "Музей М.А. Булгакова", Россия, г. Москва.

НЗ4 Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по материалам II междунар. заочной науч.-практ. конф. – № 2 (2). – М.: Изд. «МЦНО», 2016. – 58 с.

ISBN 978-5-00021-090-1

Сборник входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLIBRARY.RU.

ISBN 978-5-00021-090-1

ББК 71+80+85

© «МЦНО», 2016

Оглавление	
Раздел 1. Искусствоведение	5
1.1. Музыкальное искусство	5
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО СТИЛЯ И ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ Комурджи Рустем Зевриевич	5
Раздел 2. Культурология	10
2.1. Теория и история культуры	10
ВЫРАЖЕНИЕ ОБРАЗА «МАЛОЙ РОДИНЫ» ПОСРЕДСТВОМ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК (НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ) Юркова Марина Викторовна	10
Раздел 3. Литературоведение	17
3.1. Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)	17
ОБРАЗ ЛОНДОНА В ОТРАЖЕНИИ ЖИЗНИ ГЕРОЕВ РОМАНОВ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА Долгова Татьяна Васильевна Сафронова Анастасия Ивановна Царегородцева Анна Александровна	17
3.2. Русская литература	22
«ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА ЛИДА»: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АНТРОПОНИМИКОНА В. АСТАФЬЕВА Гончаров Пётр Андреевич Гончаров Павел Петрович	22
ТЕОРИЯ «СИЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ» И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГЕРОЯМИ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ» Курявая Ирина Николаевна Короленко Николай Игоревич	30

Раздел 4. Языкознание	39
4.1. Русский язык	39
МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ КАК СОЦИАЛЬНАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ РЕЧИ Перепелицына Юлия Ростиславовна Зарамышева Динара Артуровна	39
4.2. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	43
ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ Амирова Рафига Амирбаба гызы	43
АНАЛИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ (НЕОЛОГИЗМОВ) В СМИ Шагеева Анна Алексеевна Хромых Анастасия Андреевна	48
К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ПРИЧАСТИЙ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ: РУССКОМ, ЛЕЗГИНСКОМ И НЕМЕЦКОМ Шамилова Заира Мехтиевна	54

РАЗДЕЛ 1.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

1.1. МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО СТИЛЯ И ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Комурджи Рустем Зевриевич

*канд. пед. наук, Государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования Республики Крым
«Крымский инженерно-педагогический университет»,
РФ, г. Симферополь*

THE PROBLEM OF CORRELATION BETWEEN MUSICAL STYLE AND PERFORMER INTERPRETATION

Rustem Komurji

*candidate of Pedagogical Sciences, State budgetary educational institution
of higher education of the Republic of Crimea "Crimean engineering
and pedagogical University",
Russia, Simferopol*

Аннотация. В статье исследуется проблема трансформации музыкального стиля композитора вследствие исполнительской интерпретации. В работе рассматривается проблема определения стиля в работах музыковедов и в практике исполнителей. В статье изучаются основные подходы к проблеме соотношения музыкального стиля произведения и художественно-стилевых особенностей его воплощения исполнителем на современном этапе развития музыковедения.

Abstract. The article examines the problem of transformation of the musical style of the composer due to performance interpretation. This paper

considers the problem of style in the works of musicologists and in the practice of artists. The article examines the main approaches to the problem of the relation of musical style and works of artistic and stylistic peculiarities of its implementation by the contractor at the present stage of development of musicology.

Ключевые слова: исполнительская интерпретация; музыкальный стиль; исполнительский стиль; авторский стиль; авторский стиль композитора; художественно-стилевое содержание.

Keywords: performing interpretation; musical style; performance style; the author's style; the original style of the composer; stylistic content.

Одной из важнейших проблем, исследуемых в области музыковедения, является проблема соотношения музыкального или композиторского стиля с исполнительской интерпретацией. С одной стороны, исполнитель, привносящий некие изменения в звучание произведения под воздействием личного восприятия, дает развитие музыке как виду искусства, с другой, по мнению многих теоретиков, – искажает авторский замысел [5].

Для более подробного уяснения данной проблемы в области музыковедения стоит обратиться к основополагающим понятиям. При изучении научной литературы в указанном аспекте становится очевидным, что между музыковедами и исполнителями нет однородности в вопросах определения стиля, отмечается не только несовпадение теоретических основ, но и методологическая корреляция, отличие подходов к данной проблеме.

Однако на основе изучения теоретической литературы можно заключить, что под музыкальным стилем понимают веяния определенного исторического периода, национальных особенностей, индивидуальных черт композитора, отражающихся в музыкальных произведениях. В современном музыковедении под понятием исполнительской интерпретации понимается звуковая реализация произведения как открытого текста [3].

Наличие и анализ исполнительского творчества, имеющегося сегодня в записи, позволяет отметить, что одним из главных его признаков является весьма широкий спектр вариантов исполнительской реализации неизменного композиторского текста. Многие теоретики при учете многообразия форм интерпретации композиторского текста отмечают наличие проблемы его трансформации и подчеркивают необходимость соблюдения черт произведений, составляющих их неоспоримое авторство [3]. По мнению С.И. Савенко,

«...отклонения возможны только в условиях соблюдения неких границ, пусть и достаточно широких, но интуитивно ощущаемых как весьма определенные: они диктуются текстом произведения. Выход за их пределы может до неузнаваемости исказить облик сочинения» [4, с. 319].

Учитывая вышесказанное, можно констатировать не только проблему соотношения авторского замысла, композиторского стиля, сущности содержания с исполнительской интерпретацией, но и самого музыкального стиля, в частности – проблему его константности. Если стиль регламентировать неизменным музыкальным текстом, то исполнительская интерпретация должна быть неизменной. Однако, подразумевая под данным понятием художественно-стилевое содержание, музыкальный стиль подвергается определенной трансформации ввиду ракурса интерпретации исполнителя [1].

В последние десятилетия в работах отечественных и зарубежных представителей теоретического музыковедения отмечается возрастание научного интереса к проблемам сохранения музыкального стиля. Это связано с повышением актуальности проблем онтологии музыкальных произведений, а также изучения подходов к исполнению произведений разных исторических эпох и стилей. Анализ особенностей исполнения музыкального произведения в ракурсе решения определенных педагогических задач, с точки зрения особенностей интерпретации текстов отдельных композиторов, периодов, жанров отражен в работах многих авторов, среди которых стоит указать В.Н. Холопову, С.И. Савенко, Н.С. Гуляницкую, Т.В. Чердниченко, А.Ю. Радвилевича.

С появлением публикаций и фундаментальных исследований в ключе данной проблемы получило развитие новое направление в музыковедении – «сравнительная интерпретология». Оно заключается в осуществлении сравнительного анализа различных интерпретаций определенного музыкального текста разными исполнителями.

Научные исследования в рамках указанного направления способствовали возникновению такого специфического терминологического выражения, как «историческая жизнь» произведения музыки. Изучение многообразия интерпретаций определенного музыкального произведения позволило заключить, что письменный музыкальный авторский текст не может быть объектом анализа вне исторического времени, так как наличие разнообразных версии, возникающих при звуковом воплощении исполнителями, позволяет воспринимать его как «живой организм», развивающийся согласно культурно-историческим особенностям понимания определенной эпохой смысла художественной действительности.

Стиль музыки трансформируется под воздействием изменения стиля ее интерпретации. Вслед за Б.В. Асафьевым отметим, что, хотя развитие музыки зависит от развития стилевых тенденций интерпретации, существует все же риск «переинтонирования», возникновения стилистического неравновесия между музыкальным авторским текстом и спецификой его исполнения [2].

К полярным точкам в вопросах интерпретации музыкального текста отнесем подчеркнутое «осовременивание» произведений классики, излишнее переосмысление их содержания под воздействием тенденций новых исторических эпох, а также архаизацию – явное уточнение в интерпретации произведений прошлых эпох их отличий от современных музыкальных тенденций и принципов звучания [1]. Учитывая негативный характер полярных точек в сфере интерпретации произведений прошлого, многие теоретики современности сходятся во мнении о поддержании «золотой середины», так называемого стилистического плюрализма, который является одной из основных черт современного искусства интерпретации музыкальных текстов.

На основе исследования подходов современных ученых проблемы соотношения музыкального стиля и исполнительской интерпретации можем заключить, что сегодня исполнительский стиль – это отдельная, самостоятельная данность, имеющая право на существование, однако не затрагивающая композиторского стиля, а сопоставляющаяся с ним как самостоятельная форма. Композиторский же стиль при всей своей исторической отдаленности является научным теоретическим объектом. Анализ его художественных и технических особенностей должен осуществляться, по нашему мнению, на основе изучения «текста» вне зависимости от его конкретного звукового воплощения определенным исполнителем.

В свою очередь, проблема индивидуальной звуковой интерпретации музыкального стиля перемещается в плоскость изучения широкого спектра исполнительских реализаций, позволяющих представлять стиль композитора или целой исторической эпохи как подвижный объект, подвергаемый изменениям в контексте особенностей развития мировой культуры.

Список литературы:

1. Алексеев А.Д. Интерпретация музыкальных произведений. – М.: ГМПИ им. Гнесиных. – 1984. – 103 с.
2. Асафьев Б.В. Путеводитель по концертам. Словарь наиболее необходимых музыкально-технических обозначений. – М., 1978. – 200 с.

3. Гасич Е.Ю. Метаморфозы музыкального стиля в свете исполнительской интерпретации // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6-2. – С. 51 – 55.
4. Савенко С.И. Музыкальный текст как предмет интерпретации: между молчанием и красноречивым словом // Искусство XX века как искусство интерпретации: сб. ст. – Н. Новгород, 2006. – С. 318 – 332.
5. Тараканов М.Е. Замысел композитора и пути его воплощения // Психология процессов художественного творчества. – Л.: Наука, 1980. – С. 127 – 138.

РАЗДЕЛ 2. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

2.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ВЫРАЖЕНИЕ ОБРАЗА «МАЛОЙ РОДИНЫ» ПОСРЕДСТВОМ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК (НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Юркова Марина Викторовна

*аспирант, Северного (Арктического) федерального университета,
РФ, Архангельск*

THE DEMONSTRATION OF THE SMALL HOMELAND'S IMAGE THROUGH DESCRIPTIVE CHARACTERISTICS (BY THE EXAMPLE OF THE ARKHANGELSK REGION'S INHABITANTS)

Marina Yurkova

*postgraduate,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Russia, Arkhangelsk*

Аннотация. Целью данной статьи является анализ образа «малой родины», выраженного посредством описательных характеристик (прилагательных). Анализ произведен на основе данных социологического опроса, который был проведен среди жителей Архангельской области с ноября 2015 по апрель 2016 года. Исследование выявило, что основными характеристиками Архангельской области в глазах жителей региона являются большой размер, красота местной природы, холодный климат и сложные условия жизни.

Abstract. The objective of this paper is to analyze small homeland's image which was brought out through descriptive characteristics (adjectives). Analysis is based on the data of a sociological survey which had been conducted among inhabitants of the Arkhangelsk region from November 2015 to April 2016. The research revealed that the main Arkhangelsk region's characteristics in the perception of its inhabitants are its vast size, the beauty of local nature, the cold climate and the difficult living conditions.

Ключевые слова: образ региона; образ малой родины; Архангельская область.

Keywords: the image of the region; the image of one's small homeland; the Arkhangelsk region.

По определению М.П. Крылова «малая родина» – это восприятие множественностью взаимодействующих индивидов своей среды обитания, как особой, некоей условной целостности, обладающей внутренней культурной и пространственной логикой [1, С.188].

Образ «малой родины» есть «набор отрывочных, казалось бы, малосвязанных между собой словесных, зрительных, поведенческих текстов» [4]. Основой для формирования этого образа являются уникальность природного и культурного ландшафта, исторические и политические события, известные выходцы из региона, региональные ресурсы [6, С.108].

В рамках нашего исследования был проведен социологический опрос, направленный на изучение образа Архангельской области в глазах жителей региона. Анкетирование проходило с ноября 2015 по апрель 2016 и охватило 510 жителей региона из различных городов и районов области.

При ответе на один из вопросов анкеты респондентам было необходимо описать Архангельскую область пятью прилагательными. Данная методика применена для выявления основных характеристик Архангельской области в глазах ее жителей и понимания, какой образ региона сформирован у респондентов: позитивный или негативный. Стоит отметить, что большинство респондентов (32,6%) при ответе на этот вопрос использовали нейтральные прилагательные, либо сочетали позитивные характеристики с негативными. 25% при описании региона использовали только позитивные прилагательные, 12,6% – только негативные. 29,8% затруднились с ответом.

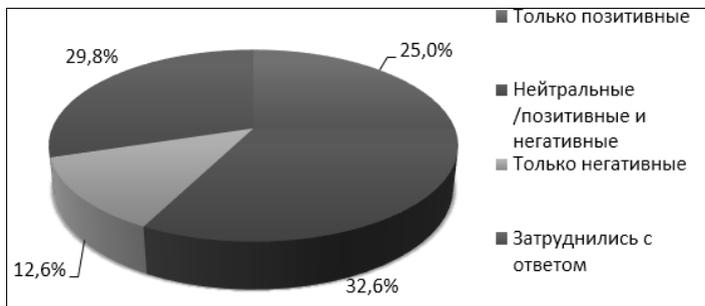

Рисунок 1. Общая характеристика ответов

Поскольку при описании региона респондентами были указаны противоположные характеристики, при анализе данных нами было выделено пять бинарных оппозиций:

- Большая (32,9%) / Маленькая (0,6%);
- Красочная (4,1%) / Серая (9%);
- Богатая (9,4%) / Бедная (5,5%);
- Перспективная (1,9%) / Неперспективная (4,3%);
- Чистая (0,8%) / Грязная (6,9%).

Рисунок 2. Указанные прилагательные. Бинарные оппозиции

Отметим при этом, что оппозиция «Большая/Маленькая», на наш взгляд, не несёт в себе оценочного характера. К категории «большая» в

данном случае были также отнесены такие прилагательные как «огромная», «обширная», «громадная», «бескрайняя». Большое количество респондентов (32,9%), использовавших данные определения при описании региона, объясняется фактологией. Согласно данным официального портала Правительства Архангельской области, ее площадь составляет 589 913 км² [3], что делает регион крупнейшим на Европейской части России. Прямые или косвенные упоминания больших размеров Архангельской области достаточно растиражированы в СМИ, на них часто делается упор в образовательном процессе, поэтому естественно, что это прилагательное использовали в описании треть опрошенных (как правило, указывая его в первую очередь). Что же касается характеристики «маленькая» (0,6%), то, видимо, она вызвана личным восприятием респондентов.

Всего 4,1% назвали Архангельскую область «красочной» (также к этой категории отнесены прилагательные «яркий», «живописный»), в то время как 9% (что вдвое больше) описали ее как «серую», «унылую», или «мрачную». Такой результат может быть обоснован климатическими особенностями региона: затяжные и сыкотные весна и осень, короткое лето, преобладание пасмурной погоды над солнечной в течение всего года, очень короткий световой день зимой [2].

«Богатой» область назвали 9,4% опрошенных, однако большинство из них при этом уточняло, что область богата ресурсами/людьми/природными богатствами. 5,5% назвали ее «бедной», оговорив при этом, что она бедная экономически. Упадок региональной экономики также нашел свое отражение в таких характеристиках как «разоренная»/«разграбленная» (0,8%) и «дотационная» (0,8%), представленных на диаграмме ниже.

Только 1,9% респондентов назвали регион «перспективным», а 4,3% (что вдвое больше), наоборот, отметили ее бесперспективность. Такое соотношение может быть объяснено затянувшимся экономическим упадком, проблемами в социальной и культурной сфере, а также неэффективными действиями руководства региона по устранению этих проблем [5]. Стоит также отметить, что 2,4% опрошенных назвали область деградирующей, двое человек употребили слово «вымирающая», что отражено на диаграмме ниже.

«Чистой» Архангельскую область назвали всего 0,8% респондентов, в то время как «грязной» – 6,9%, что больше практически в 9 раз. Объяснить этот результат можно двумя причинами: климатическими особенностями региона (в первую очередь, затяжными и сыкотными осенью и весной) и склонностью

жителей к разведению мусора (при описании жителей региона ее отметили 1,4% опрошенных).

На диаграмме ниже представлены остальные указанные прилагательные:

Рисунок 3. Указанные прилагательные

Второй по популярности после прилагательного «большая» стала характеристика «холодная», его указали 25,3% респондентов. Еще 1,2% использовали более мягкое прилагательное «морозная». Такой высокий процент вполне объясним спецификой регионального климата с продолжительной холодной зимой и прохладным летом.

Часть респондентов использовала в описании характеристики комплиментарного характера. Так прилагательное «красивая» стало третьим по популярности, его использовали 20,4% опрошенных. Также 4,5% употребили прилагательные «лучшая», «восхитительная», «очаровательная», 3,9% – «интересная», «привлекательная», а 2,9% – «загадочная», «волшебная», «таинственная», «сказочная».

Респондентами был использован достаточно широкий спектр прилагательных, описывающих природное разнообразие региона: «лесная» указали 12,9%, «зеленая» – 3,9% «рыбная» – 2,3% «морская» – 2,1%, «речная/озерная» – 2,1%, «болотистая» – 1,9%, «грибная/ягодная» – 0,8%. Присутствовали также характеристики, касающиеся климатических особенностей: 5,9% назвали область «снежной» или «зимней», 2% – дождливой.

Стоит отметить тот факт, что прилагательные «арктическая/полярная» и «поморская» набрали всего по 1%, несмотря на постоянное освещение в региональных СМИ тем, связанных с Арктикой и наименование в них региона «Поморьем», в то время как определение «северная» использовали 7,2% респондентов.

7,4% опрошенных использовали прилагательные «любимая» и/или «родная», тем самым подчеркнув свою личную связь с регионом. 2,7% назвали область «гостеприимной», 2,5% – «исторической», 2,2% – «суровой», 2,1% – «уникальной», «самобытной», 0,8% – «тихой», «спокойной».

4,1% респондентов охарактеризовали Архангельскую область как «непроходимую», «бездорожную», 3,5% описали ее как малонаселенную, 2,3% – как «отдаленную» (от центра). Особняком стоят прилагательные «забытая», «заброшенная» («к сожалению, заброшенная»), которые указали 6,6% опрошенных, тем самым выражая обиду, что потенциал их малой родины не реализовывается в полной мере и регион приходит в упадок.

Таким образом, самыми популярными характеристиками стали «большая» (32,9%), «холодная» (25,3%), «красивая» (20,4%). Стоит отметить, что исходя из приведенных прилагательных, большинство опрошенных видят в регионе как позитивные, так и негативные черты. В глазах респондентов Архангельская область – это большой и красивый регион с разнообразной природой, холодным климатом и

слабыми перспективами для дальнейшего развития. Поэтому можно отметить, что на формирование образа «малой родины» помимо природного и культурного ландшафта, исторических событий и региональных ресурсов также оказывает большое влияние сложившаяся социально-экономическая ситуация.

Список литературы:

1. Крылов М.П. Российское культурно-историческое пространство. Проблема региональной идентичности// Мир психологии. –2005. – № 3 – С. 187-200.
2. Общая характеристика климата Архангельской области и Ненецкого автономного округа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sevmeteo.ru/files/arh-nao.pdf>. (Дата обращения: 09.12.2016).
3. Портал Правительства Архангельской области. Регион [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dvinaland.ru/region/-8vjeeb6s>. (Дата обращения: 11.12.2016).
4. Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sadomirskaya-rodina.htm> (Дата обращения: 10.12.2016).
5. Уровень жизни населения Архангельской области признан худшим в стране [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [рд29.рф/?p=103872](http://rd29.rf/?p=103872). (Дата обращения: 11.12.2016).
6. Юренкова Е.А. Визуальный аспект региональной идентичности // Город невест? Брендинг территорий и региональные идентичности: мат-лы всерос. науч. конф. (Иваново, 12-13 сент. 2013 года) / ред. М.Ю. Тимофеева. – Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та, 2013. – С. 108-109.

РАЗДЕЛ 3.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

3.1. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

ОБРАЗ ЛОНДОНА В ОТРАЖЕНИИ ЖИЗНИ ГЕРОЕВ РОМАНОВ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

Долгова Татьяна Васильевна

*канд. филол. наук, доцент, Омский государственный технический
университет, Институт дизайна и технологий,
РФ, г. Омск*

Сафронова Анастасия Ивановна

*студент, Омский государственный технический университет,
Институт дизайна и технологий,
РФ, г. Омск*

Царегородцева Анна Александровна

*студент, Омский государственный технический университет,
Институт дизайна и технологий,
РФ, г. Омск*

THE IMAGE OF LONDON IN THE REFLECTION OF THE MAIN CHARACTERS IN CH. DICKENS'S NOVELS

Tatiana Dolgova

*PhD in Linguistics, Assistant Professor
Omsk State Technical University, Institute of Design and Technologies,
Russia, Omsk*

Anastasia Safronova

*student, Omsk State Technical University,
Institute of Design and Technologies,
Russia, Omsk*

Anna Tsaregorodtseva

*student, Omsk State Technical University,
Institute of Design and Technologies,
Russia, Omsk*

Аннотация. В данной статье авторы анализируют содержание двух романов Чарльза Диккенса «Лавка древностей» (1841 г.) и «Большие надежды» (1860 г.). Целью исследования является выявление описаний города Лондона и взаимовлияния его атмосферы и настроения главных героев произведений. Изучение английского языка и культуры этой страны, а также мотивы творчества Ч. Диккенса, которые тесно перекликаются с манерой изображения Петербурга русским писателем-реалистом того же времени Ф.М. Достоевским, способствовали выбору темы работы.

Abstract. In the article the authors analyze the content of two novels by Charles Dickens «The Old Curiosity Shop» (1841) and «Great expectations» (1860). The objective of the studying is to reveal the description of London and the interinfluence of its atmosphere and the main characters' mood. Learning English language and the culture of the country provided the choice of the theme, as well as Dickens's works which are closely echoed with the manner the Russian writer F.M. Dostoyevsky used for St. Petersburg description.

Ключевые слова: Лондон; Чарльз Диккенс; «Лавка древностей»; «Большие надежды».

Keywords: London; Charles Dickens; «The Old Curiosity Shop»; «Great expectations».

В данном исследовании Лондон Викторианской эпохи представлен как один из героев романов Ч. Диккенса. Описание окружающей персонажей местности, того, как город меняется в соответствии с настроением героев произведений, создаёт особую атмосферу крупнейшего города мира, каким был Лондон в XIX веке и погружает в неё читателей.

В романах «Лавка древностей» и «Большие надежды» Ч. Диккенс представляет нам Лондон, как живое существо, способное грустить и

радоваться, сопереживая героям. Эмоции города перекликаются с эмоциями людей. И в зависимости от настроения, Лондон представляется то необычайно красивым и ярким, то уродливым монстром.

В произведении «Лавка древностей» из слов рассказчика можно заключить, что он любил гулять по вечернему сумеречному городу, потому как тот казался ему более загадочным и вдохновляющим, чем днём [2, с. 7]. Однако, через некоторое время, после череды определённых событий рассказчик изменил свое отношение к городу. Через описание мыслей рассказчика Диккенс демонстрирует читателям мрачную и унылую местность с редкими прохожими на улицах. Отражение жуткого окружения прослеживается и в мыслях персонажа. Мы видим, что он встревожен странным поведением старика, который оставлял свою внучку одну на ночь в пустом и жутком доме. Такой вывод можно сделать из отрывка: «Взгляд мой снова упал на маленькую, хрупкую фигурку девочки. Одна! Всю тоскливую, долгую ночь – одна в этом мрачном доме!» [2, с. 17]. Из этого следует, что описание местности может, как резко контрастировать с характером и образом персонажа (Нелл), так и дополнять облик героя (дедушка). В данном эпизоде также ярко прослеживается трансформация духовного содержания города: от загадочного и вдохновляющего до безжалостного и сурового.

Далее по сюжету читателям представляется ещё одно неприятное описание местности. Диккенс показывает в своих произведениях не только центр Лондона с его многолюдными улицами и достопримечательностями, но и бедные районы, полные нищеты и голода. Писатель подчёркивает, как окружающая среда отражается на характерах людей и определяет их поведение. Такой вывод можно сделать из следующего описания местности: «На правом берегу Темзы ютился небольшой, кишачий крысами и весьма мрачный двор, именовавшийся «Пристанью Квилпа»» [2, с. 36]. Контора, которая там находилась, была «...дощатая..., покосившаяся на один бок, словно ее сбросили сюда с облаков, и она зарылась в землю...» [2, с. 36].

Внешность хозяина этой земли, Дэниела Квилпа, полностью подходит описанной Диккенсом местности, связанной с этим персонажем: «... пожилой человек на редкость свирепого и отталкивающего вида...» [2, с. 28]. Стоит добавить, что Квилп жил со своей женой в районе Тауэр-Хилла, в котором на протяжении нескольких веков проводились публичные казни [3]. Представленные цитаты помогают сделать вывод о том, что Дэниел Квилп, является очень неприятным «тёмным» человеком, что Диккенс показывает как

через описание его места проживания, так и через внешность персонажа.

Образ главной водной артерии Англии и Лондона – реки Темзы – резко контрастирует на фоне мрачных строений и неблагополучных районов. Диккенс представляет Темзу живым организмом, полным энергии. «Река со всем, что она несла на себе, была в непрерывном движении – играла, плясала, искрилась...» [2, с. 49]. В этом же отрывке автор описывает и Лондонский Тауэр. Однако он предстает перед читателями явно контрастирующим по отношению к Темзе. Такое заключение можно сделать из следующего описания: «...древний сумрачный Тауэр... холодно посматривал с берега на свою соседку (реку), презируя её за беспокойный, суетливый нрав» [2, с. 49]. Это изображение Тауэра можно объяснить архитектурным стилем, в котором выполнено здание: крепость, построенная в романском стиле, тяжело нависает над рекой [4]. В этом видна атмосфера города: смешение живого и мёртвого, подвижного и застывшего, истинно природного и сотворённого человеком.

При чтении произведений Диккенса нельзя не заметить особую тенденцию, которой придерживается автор: каждое описание местности каким-либо образом всегда соответствует чувствам и эмоциям, которые испытывает персонаж. В «Лавке древностей» после решения покинуть Лондон, главные герои (девочка Нелл с дедушкой) с облегчением идут по пути из города, описание которого полностью отражает настроение девочки: «город радовался утреннему свету; места, казавшиеся ночью такими подозрительными и страшными, теперь будто улыбались...» [2, с. 127].

Данная цитата является аллегорией к состоянию Нелл. Это объясняется тем, что во время проживания в лавке древностей и под постоянным присмотром Квилпа, она испытывала сильное давление, а, ощутив свободу, зная, что скоро она и её дед покинут Лондон и будут в безопасности, Нелл чувствовала себя легко и радовалась. Описание окружающей местности соответствовало её настроению, город как будто отражал его, подстраиваясь под состояние героев. Вместо обычно мрачных и грязных закоулков, мы видим улицы Лондона живыми и открытыми, а людей на них счастливыми и приветливыми.

Если обращаться к ощущениям дедушки, город не выглядит таким же дружелюбным, каким он предстает в глазах Нелл. Шумные улицы с толпой прохожих и транспортом вызывают у деда чувство тревоги: «Старик бросал по сторонам испуганные растерянные взгляды, ибо этих-то мест ему и хотелось избежать» [2, с. 129]. Это указывает на то, что одни и те же места вызывают даже у родственных

персонажей абсолютно разные чувства, которые зачастую проявляются в их поведении и конечном формировании их образа.

Подобная тенденция также наблюдается в романе «Большие надежды», где главный герой произведения Пип, только что приехавший в Лондон, уставший и разочарованный, прогуливается по улицам города, выходит на мясной рынок и видит такую картину: «... и мерзостная эта площадь (Смитфилд), словно облепила меня своей грязью, жиром, кровью и пеной» [1, с. 206]. Когда настроение главного героя испортилось ещё больше, мы наблюдаем следующее изменение в его настроении: «Обратившись в бегство, я свернул в боковую улицу, откуда увидел огромный черный купол собора Св. Павла, выступающий из-за мрачного каменного здания; какой-то прохожий сказал мне, что это – Ньюгетская тюрьма» [1, с. 206].

В романе «Большие надежды» главный герой Пип также описывает своё новое место проживания «...в мечтах мне рисовалась большая гостиница, которую содержит мистер Барнард и перед которой наш «Синий Кабан» не более как заезжий двор. Оказалось же, что Барнард – это бесплотный дух, фикция, а его Подворье – куча донельзя грязных, облупленных домов, втиснутых в зловонный закоулок, который облюбовали для своих сборищ окрестные кошки» [1, с. 216].

Стоит отметить, что, в целом, Чарльз Диккенс имел тенденцию описывать Лондон не в лучшем свете. В произведениях Диккенса город предстает перед нами одновременно мрачным, грязным и гнетущим, что явно перекликается с внешностью, характерами, чувствами персонажей, но и с некоторыми проблесками надежды и лучшей жизни. Смешение чувств и красок, поражений и побед, надежды и безысходности – все это один и тот же персонаж, главный и единственный для Чарльза Диккенса, и имя ему – Лондон.

Список литературы:

1. Диккенс Ч. Большие надежды: [роман; пер. с англ. М. Лорие] / Чарльз Диккенс. – М.: АСТ, 2016. – 608 с.
2. Диккенс Ч. Лавка древностей: Роман/ Пер. с англ. Н. Волжиной. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 608 с.
3. TowerHill / [Эл.ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Tower_Hill#Executions (Дата обращения: 09.12.16)
4. Tower / [Эл.ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Tower_of_London (Дата обращения: 09.12.16)

3.2. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

«ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА ЛИДА»: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АНТРОПОНИМИКОНА В. АСТАФЬЕВА

Гончаров Пётр Андреевич

*д-р филол. наук,
Мичуринский государственный аграрный университет,
РФ, г. Мичуринск*

Гончаров Павел Петрович

*канд. филол. наук,
Мичуринский государственный аграрный университет,
РФ, г. Мичуринск*

"GOOD GIRL LIDA": SOME FEATURES OF ANTHROPONYMICAL OF V. ASTAF'EV

Peter Goncharov

*doctor of philological Sciences, Michurinsk state agrarian University,
Russia, Michurinsk*

Paul Goncharov

*candidate of philological Sciences, Michurinsk state agrarian University,
Russia, Michurinsk*

Аннотация. В статье исследуются имена женских персонажей произведений В. Астафьева, их связь с художественным миром писателя и его биографией. Особое внимание обращено на ключевое для биографии писателя и его творчества имя Лидия (Лида).

Abstract. this article examines the names of the female characters in the works of V. Astaf'ev, their connection with the artistic world of the writer and his biography. Special attention is paid to the key for the biography of the writer and his work the name Lydia (Lida).

Ключевые слова: антропонимия; биография писателя; художественный мир; трансформация.

Key words: anthroponymy; biography; art world; transformation.

Имя персонажа никогда не было случайной или малозначимой деталью литературного произведения. Однако однозначная семантика и функция имени героя свойственны по большей части для классицистских литературных произведений. Вральман и Скотинин, вместе с Простаковой и Софьей – имена, характеризующие главные человеческие качества этих персонажей, а в истории литературы и отечественной культуры – эмблемы соответствующих литературно-культурных архетипов.

В позднейших литературных системах имя зачастую перестает выполнять роль легко узнаваемой маски, а его связь с характером, с авторскими привязанностями и антипатиями приобретает свойства сложной корреляции, а не прямой зависимости. Петр Андреевич Гринев, безусловно, заключает в себе (как герой пушкинской повести) твердость характера и мужественность поведения, перекликающиеся с древнегреческой семантикой, дальнейшим бытованием и даже звуковым составом (**тр**, **др**, **гр**) этого имени. Но эта связь сложная, противоречивая, неоднозначная, а мысль об этой связи прозаиком не навязывается открыто назидательно, как в случае с мольеровскими Тартюфом и Мизантропом, новиковскими Трутнем и Правдулюбовым, фонвизинскими Стародумом и Правдиным.

П. Флоренский отмечал в именах «что-то ускользающее от рационалистического анализа. Самый пристальный дневной взгляд не рассеивает имени» [10, с. 384]. В связи с человеческими именами (и именами в литературе – тоже) П. Флоренский утверждал: «Как сложные радикалы в химии, имена служат ядром личности и самой сути ее; но как эти радикалы, они не могут быть извлечены из сложного состава личности и показаны сами по себе» [10, с. 396].

Основы исследований литературных имен (антропонимов, поэтонимов) в российской (советской) филологии заложены в работах В.В. Виноградова, касающихся стилистики художественных произведений. Вопросам функционирования имен собственных в структуре художественного текста, их связям с идеостилем произведения посвящены фундаментальные исследования отечественных филологов – В.Н. Михайлова, Ю.А. Карпенко, В.А. Кухаренко, О.И. Фoniaковой, Г.Ф. Ковалева и др.

В последние годы появились и исследования антропонимики произведений В. Астафьева. Среди них обращают на себя внимания

исследования Л.И. Зубковой, О.В. Шевериновой, И.М. Петрачковой и других ученых. Но хотя многие из них акцентируют междисциплинарный характер своих исследований, подавляющее большинство из них (исключение составляет работа И.М. Петрачковой) подходят к текстам литературных произведений как объекту для лингвистических наблюдений и обобщений. Между тем, имя персонажа – немаловажная, часто – значительная, а в ряде случаев – доминирующая деталь литературного героя, образа, а через него и всего художественного произведения. Интересно часто цитируемое суждение на эту тему Ю.Н. Тынянова: «В художественном произведении нет неговорящих имен... Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни» [9, с.27].

Первой повестью, опубликованной В. Астафьевым в столичном журнале, стала повесть «Звездопад» (1960). Его главные герои сибиряк Мишка Ерофеев и госпитальная «сестричка» Лида, их вспыхнувшая ярко и обреченная на скорое угасание любовь – не могли не обратить на себя внимания читателей и критики. Можно предположить, что значительное влияние на астафьевский выбор имени в «Звездопаде» оказало популярное в конце 1950-х годов стихотворение уважаемого прозаиком известного поэта Я. Смелякова. Его знаменитое стихотворение было на слуху не только у поколения В. Астафьева. Детали его южного пейзажа (чем не Кубань?) вполне соотносятся с обстановкой госпитальной повести писателя:

Вдоль маленьких домиков белых

Акация душно цветет.

Хорошая девочка *Лида*

На улице *Южной* живет

А одно из его четверостиший окажется едва ли не предварением замысла астафьевского «Звездопада»:

Он в небо залезет ночное,

Все пальцы себе обожжет,

Но вскоре над тихой Землею

Созвездие Лиды взойдет. [8, с. 166 - 168]

Внимание и уважение к этому большому поэту Астафьев демонстрирует и в своих эссе, и в виде включения стихов поэта в качестве эпиграфа к главам «Пастуха и пастушки». Так, перед главой «Свидание» в повести идет эпиграф из Я. Смелякова «И ты пришла, заслышав ожиданье...».

Литературные и не только литературные «поветрия» оказались значимыми для писателя в тот и в более поздние периоды творчества. Но в данном случае литературная «мода», может быть, совершенно неожиданно совпала с чувствительными деталями биографии писателя, мира художника. Засиявшее у Я. Смелякова имя стало поэтому «исходным», отправным именем и в прозе В. Астафьева.

В астафьевском антропонимиконе обращает на себя внимание «пристрастие» писателя к некоторым, лишь по видимости «случайным» для него именам. Если обратиться к именам его наиболее ярких женских персонажей, то картина будет выглядеть следующим образом:

Тася – «Тают снега», Лида – «Звездопад», Клавдия – «Стародуб», Зинка – «Кража», Люся – «Пастух и пастушка», Эля – «Царь-рыба», Лерка – «Печальный детектив», Люда – «Людочка», Нелька – «Прокляты и убиты», Люба, Изабелла, Лариса – «Обертон». Есть ли какая либо связь между всеми этими литературными именами, есть ли связь между многообразием этих имен и миром писателя, конкретными реалиями его биографии?

В эпизоде детских воспоминаний Ильки Верстакова («Перевал») фигурирует его погибшая мать – Лизавета. Причем обстоятельства её гибели (утонула в реке) практически совпадают с эпизодом из биографии В. Астафьева. Так, в автобиографии писателя находим: «В 1931 году семью нашу постигла еще одна, всю нашу жизнь потрясшая трагедия: плывя с передачей в Красноярск, мама моя, Лидия Ильинична, утонула прямо напротив деревни» [2, с. 5] Обстоятельства гибели матери Витьки Потылицына («Последний поклон») до деталей совпадают и с «Перевалом», и с астафьевской автобиографией.

В «Перевале» этот эпизод выглядит следующим образом: «Бабушка с перекошенным ртом, с растрепанными волосами упала к его ногам, ткнулась в колени, пытаясь что-то сказать, но вырвалось у неё только: – Ой! Ой! Лизавета-а! Лизавета-а-а! Касагушка-а-а! <...> Уже выловили мать из реки и привезли на подводе. А он все равно ждал. Какое ему дело до того темного, вздутого, что под навесом. Его даже показать Ильке боялись. Правда, он все же тайком заглянул через забор, но ни жалости, ни боли не испытал, а только страх» [1, т. 2, с. 37].

Напрашивается вывод: Лизавета – это переименованная, переосмысленная Лидия из автобиографических реалий мира писателя. Но переименование, сохранившее по меньшей мере три звука материнского имени: **л**, **и**, **а**. Если обратиться к приведенным выше именам из главных произведений писателя, то обращает на себя внимание, что практически все они (за исключением Таси и Зинки)

сохраняют близкий к Лидии звуковой состав, а звук л, чаще в его мягком варианте, присутствует практически во всех именах симпатичных автору женских персонажей.

Память о матери писателя, реминисценции, связанные с этим именем, оживают, вероятно, и в имени главного героя «самой любимой» повести «Перевал» – его зовут именем деда Астафьева: Илька (Илья) Верстаков. Нанесенные В. Астафьеву судьбой душевные раны как бы сконцентрировались вокруг имени и судьбы матери, впитали, трансформировали и «тиражировали» это имя в ряде созвучных (прямо или в деталях) имен.

В «Последнем поклоне», как и в «Краже», как и в «Веселом солдате» (главные герои этих произведений в разной степени автобиографичны), сиротство главного героя ассоциируется с образом и именем погибшей матери. Рассказчик-повествователь в этих произведениях нарочито стремится слиться с автором. Стало быть, Лида, Лидия присутствует в этих произведениях в своём, так сказать, «неизменном» виде. Мир реалий, окружающих писателя, в этих произведениях не подвергся видимой трансформации.

Об отце и матери Витька Потылицын, автобиографический герой «Последнего поклона», сообщает: «Восемнадцати лет его женили на Лидии Ильиничне Потылицыной, девушке доброй, домовитой, из большой семьи, которая держалась своим трудом на земле, жила землею, как говорила с гордостью бабушка моя Катерина Петровна». И здесь же: «При слове “Лидинька” у меня закипело в груди, слезы начали подниматься к глазам, и я хотел их, слез-то, утешения какого-нибудь хотел...» [1, т. 4, с. 454].

Как уже было отмечено, Лида – это имя главной героини «Звездопада» – первой оригинальной военной повести Астафьева. «Это началось в городе Краснодаре, на Кубани, в госпитале» [1, т.2, с. 183]. Эпическая манера повести органично сочетается с её лиризмом, главный герой и автор-повествователь в повести сливаются в одно лирическое «я», придавая ей исповедальное звучание. Знакомство Лиды и «ранбольшого» Ерофеева происходит в краснодарском госпитале в совершенно не подходящей для развития любовных чувств обстановке. Но родственные души «узнают» друг друга в самом начале знакомства.

«И мы заговорили шепотом. – Вы откуда? – Сибиряк я, красноярец. – А я здешняя, краснодарская. Видите, как совпало: Краснодар – Красноярск. – Ага, совпало, – тряхнул я головой и задал самый “смелый” вопрос: Как вас зовут? – Лида. А вас? Я назвался» [1, т.2, с. 187]. «Совпадение» Красноярска и Краснодара, естественно,

условное, эмоциональное, оно могло возникнуть лишь в сознании уже симпатизирующих друг другу людей, а имя Лида оказывается своеобразным ключом к хранилищу самых заветных, укорененных изначально в сознании писателя чувств, поскольку оно свято для рассказчика-повествователя, сливающегося в этой повести с фигурой главного героя.

Значимость имени Лида для мира писателя, а через него и для его художественного мира явствует и из других фактов. Рассказывая о начале жизни в г. Чусовом, В. Астафьев пишет: «Здесь родились и выросли наши дети: дочь Ирина и сын Андрей, а первого ребенка, дочку Лидию, названную в честь моей мамы, мы потеряли» [2, с.5].

Известно, что с 1951 года Астафьев работает в газете «Чусовской рабочий». Журналисты не только провинциальных газет, и не только из-за немногочисленности штата сотрудников избирают себе псевдонимы. Наши собственные изыскания, как и поиски чусовского краеведа В.Н. Маслянки, свидетельствуют: «Время сохранило целую группу газетных псевдонимов, “похожих” на астафьевские: в них использованы варианты их создания на базе собственных имени-отчества, имени матери (или первой дочери <...> Таковы П. Витин, П. Викторов, В. Петров, В. Петровский, В. Лидин» [5, с. 5]. Как видим, **Лидин** – один из псевдонимов, избранных В. Астафьевым. Как представляется, о какой-либо «случайности» здесь не может быть и речи.

Может быть, с течением времени и имя Лида, и ситуации, где это имя фигурирует, потеряли для автора-повествователя сакральный окрас?

Повесть «Веселый солдат» (1998) создавалась и готовилась к печати в то время, когда В. Астафьев был предельно захвачен пафосом отрицания многих прежних ценностей. Изображение воровства и бездушия госпитальных и других тыловых начальников в этой повести оказывается едва ли не главной задачей повествования. Повесть в еще большей степени, чем «Звездопад», имеет автобиографическую основу, но полуромантическая любовная история Лиды и Мишки Ерофеева из «Звездопада» здесь вытеснена повествованием о бесчеловечности и животных страстях Хасюринского госпиталя. Присутствие там симпатичных «веселому солдату» «пани Марины», Лизы, Ани, даже открывшей ему радость познания женского естества Ольги и отдаленно не напоминает яркую любовно-романтическую фабулу «Звездопада». На фоне всеобщего разврата, разложения неуместной оказывается и любовная история, Лида-возлюбленная уходит в подтекст «Веселого солдата». Но как эпизод сакральный для автора-повествователя, пребывание в Краснодаре освещается им лаконичной скороговоркой: «маленький госпиталек с длинным

витеватым названием, где лежало много контуженных, память и прошлое своё утративших, где четыре раз ложился я под наркоз на чистку кости и остался хоть со слабюю, но своею рукой, где я пережил свою первую светлую любовь» [1, т. 13, с. 81]. Как явствует из контекста, именно этот эпизод биографии писателя в свое время стал основой фабулы и образности «Звездопада». В 90-е годы Астафьев предпочитает не переосмыслить этот эпизод, а «свернуть» его, сделать его по сути предметом фигуры умолчания. Лиды-возлюбленной в повести просто нет. Смена стратегии повествования ведет к изменению во всех элементах структуры произведения, в том числе и в его антропонимии, а сакральное имя писатель старается не упоминать всеу.

Интересно, что в «Веселом солдате» при отсутствии Лиды-возлюбленной и Лидия-мать, и Лидия-дочь после увиденной рассказчиком-повествователем жертвы железнодорожного происшествия возвращаются в мир художника в виде навязчивых видений, «кошмарных снов»: «Я расталкиваю, нет, даже разбрасываю уже толпу любопытных и вижу там <...> Лидочку, в крохотном гробике, перееханном тяжелым литым колесом. Из щепья и тлелых лоскутьев, закутанная, бестелесная вроде бы, девочка, тянет ко мне ручки и силится что-то сказать. Зовет она меня, зовет, догадываюсь я, и рушусь перед нею на колени, пытаюсь обнять, схватить, прижать к груди дитя, но пустота, всякий раз пустота передо мною. Я просыпаюсь с мучительным стоном, с мокрыми глазами» [1, т. 13, с. 234].

Мать «веселого солдата» предстает в еще более ужасном обличье: «Я начал видеть во сне совсем уж ошарашивающий кошмар, будто темной ночной порою, пробравшись на старое кладбище, раскопав могилу утопленницы-матери, рвал ее черную кожу и ел багрово-красное мясо...» [1, т. 13, с. 235]. Интересен комментарий «хирурга», последовавший за пересказом сна: «Это уже предел, заболевание мозга, последствия контузии» [1, т. 13, с. 234]. Объяснением этому «кошмару может служить и общественная ситуация времени действия повести – суровые послевоенные годы, когда «кошмаром была сама действительность» [1, т. 13, с. 234], и «кошмарное» время создания повести (1990-е годы), и, главным образом, возраст писателя. Время написания «Веселого солдата» отстоит совсем не далеко от того дня, когда В. Астафьев напишет: «Я пришел в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощанье» [7, с. 3].

Реминисценции и аллюзии, связанные с гибелью Лидии Ильиничны Астафьевой, в виде деталей сюжета присутствуют во многих произведениях писателя. В мотиве внезапного потопления эти

реминисценции оживают в «Перевале» (Илька и сплавщики живут в постоянном страхе перед гибелью в разбушевавшейся реке), в «Стародубе» (жизнь Кулгыша трижды ставится под угрозу гибели в реке), в «Краже» (семья Толи Мазова прибывает в Краесветск пароходом, которому угрожает крушение). В «Последнем поклоне», как и в «Царь-рыбе», все повествование связано с Енисеем – «спасителем и погубителем». Угрожающая апокалипсисом рыба «берш» является из вологодского водоема в астафьевском «Светопреставлении», в «поганой сточной канаве» утоплен Стрекач – главный злодей «Людочки». В последнем романе «великая река» отделяет живых от обреченных на смерть, становится рекой гибели и спасения. Автобиографическая деталь, связанная с гибелью его матери Лидии Ильиничны и дальнейшей судьбой писателя, оказывается основой или значимой деталью судеб героев практически всех произведений В. Астафьева.

Во внимании к имени, в привязанности к именам, деталям жизни и смерти своих близких людей живет стремление писателя осмыслить свою судьбу с позиций лирических – изнутри, как реализацию собственных потенций мысли и чувства, и эпически – в тесной связи с событиями истории, с судьбой собственного народа. Имя Лидия (Лида) стало ключевым звеном, соединяющим биографию писателя с его творчеством. В художественных произведениях писателя имя Лидия выполняет функцию объекта симпатий автора и его героев. Его фонетические элементы выступают в роли звуковых маркеров, своеобразного камертона, по которым настраивается звучание имен его женских персонажей

Итак, сфера реалий, окружающих писателя, трансформируясь в сознании творца, превращается в элементы художественного мира (образов, поэтики, стиля и т.п.), лишь слегка приоткрывая завесы тайны словесного творчества, именуемую в технократической традиции «лабораторией писателя», а биографический метод, наряду с иными, при изучении образности и мотивной структуры литературных произведений подтверждает свою научную продуктивность и перспективность.

Список литературы:

1. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск: Офсет, 1997. – 1998.
2. Астафьев В. Рассказу о себе сам // День и ночь. – 2004. - № 1 – 2 (42). – С. 3 – 7.

3. Васильева С.П., Ворошилова Е.В. Литературная ономастика: учебное пособие для студентов филологических специальностей / Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2009. – 138 с.
4. Зубкова Л.И. Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина): Диссертация ... д-ра филол. наук. - Воронеж, 2009. - 406 с.
5. Маслянка В.Н. По следам «Веселого солдата». - Чусовой, 2014. - 192 с.
6. Петрачкова И.М. Мир имен в художественной прозе В.П. Астафьева // Вестник Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. - №4. (22). – 2001. – С. 59-64.
7. Последний поклон Виктору Астафьеву. Прощание / сост.: Т. Давыденко, В. Ярошевская. – Красноярск, 2002. – 171 с.
8. Смеляков Я.В. Собрание сочинений: в 3-х тт. - Т.1. – М.: Мол. гвардия, 1977. - 432 с.
9. Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. - Л.: Прибой, 1929. – 596 с.
10. Флоренский П.А. Имена // Опыты: Литературно-философский ежегодник. - М.: Советский писатель, 1990. - С. 351 – 419.
11. Шеверинова О.В. Номинационные ряды мужских персонажей в антропонимиконе В.П. Астафьева: социопрагматический аспект // Веснік БДУ. - Сер 4. - 2015. - № 2. - С. 69 – 73.

ТЕОРИЯ «СИЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ» И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГЕРОЯМИ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

Курявая Ирина Николаевна

*канд. пед. наук, преподаватель русского языка и литературы,
Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение
города Москвы «Школа № 113», Структурное подразделение № 2 –
ГБОУ «Школа №113», СП №2,
РФ, г. Москва*

Короленко Николай Игоревич

*студент, Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина» – ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина»,
РФ, г. Москва*

THE THEORY OF "STRONG PERSONALITY" AND ITS INTERPRETATION OF THE HEROES OF THE NOVEL F. M. DOSTOYEVSKY'S "THE BROTHERS KARAMAZOV"

Irina Kuryavaya

*candidate of Education Sciences, teacher of Russian language and
literature, State Budgetary Educational Institution of the city of Moscow
"School № 113", Structural unit № 2 – SBEI "School № 113",
Structural unit № 2,
Russia, Moscow*

Nikolay Korolenko

*student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher
Education "Pushkin State Russian Language Institute" –
FSBEI HE "Pushkin State Russian Language Institute",
Russia, Moscow*

Аннотация. В достоевистике практически не уделялось внимания освещению и анализу теории «сильной личности» Федора Михайловича Достоевского. Обширных исследований в этой области не предпринималось, несмотря на обилие материала и тот писательский интерес, который испытывали русские и зарубежные литературоведы, философы и критики начиная с XX века и вплоть до наших дней по отношению к Ф.М. Достоевскому, его произведениям и философии. В статье рассматривается теория «сильной личности» писателя (на примере героев романа «Братья Карамазовы»), дается сопоставление его теории и идеи «сверхчеловека» Ф. Ницше.

Abstract. In dostoevistika virtually no attention was paid to the coverage and analysis of the theory of "strong personality" by Fyodor Dostoyevsky. Extensive research in this area has not been taken, despite the abundance of the material and the writer's interest, which experienced Russian and foreign literary critics, philosophers and critics since the XX century and up to the present day in relation to Fyodor Dostoevsky, his works and philosophy. The article deals with the theory of "strong personality" writer (on the example of the heroes of the novel "The Brothers Karamazov") provides a comparison of his theory and the idea of "overman" Friedrich Nietzsche.

Ключевые слова: теория «сильной личности»; теория «сверхчеловека»; человеко–Бог; Бого–человек; карамазовский бунт; богоборчество.

Keywords: theory of "strong personality"; the theory of "overman"; man–God; God–man; Karamazov revolt; theomachism.

Творчество Ф.М. Достоевского в современном литературоведении изучено достаточно глубоко, но в большинстве своем исследователи останавливаются на таких вопросах как *проблема богоборчества, преступления и наказания, христианских мотивах, библейских контекстах*, совершенно не рассматривая другую, отчасти *философскую* сторону его художественного слова.

Достоевский не имел специального философского образования, но герои его романов являются носителями многих философских воззрений, отчасти заимствованных из Европы. В своих произведениях он не ставил вопросов, не создавал идей так, как создают их философы или ученые. Будучи художником, он разрабатывал «живые образы идей, иногда угаданных им в самой действительности» [1, с. 258].

Соотношение теории «сильной личности» Ф.М. Достоевского и теории «сверхчеловека» Ф. Ницше давно уже выделилось в отдельное направление исследований благодаря работам литературоведа В.В. Дудкина и философа Н.А. Бердяева. Сопоставляя теории двух писателей, мы не можем не взять во внимание их мировоззрение и философию.

Н.А. Бердяев, русский философ, преобладающее влияние на его зрелые убеждения оказал Ф.М. Достоевский, средневековой инквизицией без долгих раздумий был бы признан еретиком. Оригинальный сторонник «вечного и нетленного», считающий культуру делом избранных, к назначению человека относящий в первую очередь творческую и жизненную активность, он отказывает своей эпохе в признании за ней веры, любви, избрании. Причину он видит в «неполноте христианского религиозного сознания» [1, с. 224]. «Неспособность Ницше победить мир привели к страданиям *нового человека* (курсив наш), новым страданиям, неведомым старине» [3, с. 238].

Жизнь Ницше принимает вид *страдальческого опыта*. Философ приписывает ему великое значение дерзкого глашатая эпохи. «Он нарушил этикет критической эпохи, пренебрёг приличиями научного века, был *самой жизнью*, криком её глубин» [3, с. 241].

Мы считаем, что это субъективное мнение: Ницше не хватало Родины Бердяева, чтобы назвать свободное творчество человека путём к Богу.

В основе мировоззрения и философии Ницше лежит идея иррациональности мира. В творчестве философа выражается

двусмысленное, противоречивое понятие жизни, охватывающее всё сущее, биологизированное представление о человеке как воплощении инстинктивной воли к власти, и, одновременно, не противоположное, но другое, понимание человека как избранника, облагороженного мужественным осознанием трагедии своего существования, трагического художника и поэта, говорящего «да» всему загадочному и страшному.

С проблемой измельчания духовных качеств личности, ценность и полезность которых поверяется шаблоном индивидуальности, связана критика Ницше христианства, заветы которого служат защитой убогих и нищих, отчаявшихся и слабых. Эпоха кризиса классических европейских культурных ценностей обрела в лице философа своего яростного врага.

Фридрих Ницше представляет собой тот тип человека, которому пришло в последние два столетия находиться в обиталище некоронованных королей. Мы задумываемся о границах человеческого сознания – вспоминаем Ницше; спрашиваем себя, что такое личность, подвиг и поступок – вспоминаем Ницше; проживаем свои жизни – вспоминаем Ницше.

Мировоззрение Ф.М. Достоевского включает в себе философскую и религиозную сторону: философская сторона раскрывается в манере изложения и раскрытия тех или иных идей, отступлении от ряда принципов христианской догматики и последующему к ним возвращению; религиозная – в тех суждениях и выводах, которые всецело опираются на принципы христианства.

Николай Александрович Бердяев в книге «Миросозерцание Достоевского», характеризуя мировоззрение писателя, отмечает, что «все творчество Достоевского есть предстательство о человеке и его судьбе, доведенное до богоборчества, но разрешающееся вручением судьбы человека Богочеловеку–Христу. Все в человеке и для человека. В человеке – загадка мировой жизни. *Решить вопрос о человеке – значит решить вопрос и о Боге*» (курсив наш) [2, с. 206].

Этот ярко выраженный антропологический принцип Федора Михайловича распространяется буквально на все темы, затрагиваемые в его творчестве. Писатель поставил под сомнение тот факт, что человек способен самостоятельно, используя свои силы, развиваться и накапливать духовный опыт.

В этой религиозной антропологии выверялись основы, которые позволяли человеку оставить неизменным свое лицо. Достоевский, основываясь на данном принципе, заставляет героев своих

произведений проходить испытания не только в божественной, но и в человеческой субстанции.

Из этого следует, что писатель поставил под сомнение идею бытийственной самостоятельности человека.

В персонажах Достоевского выражается стремление доказать окружающим людям их уникальность, они (персонажи) пытаются дать объективную возможность поверить в свою идеальность.

Из этого следует вывод: если появится такой человек, который сумеет доказать, что теория истинна, то имя ему – «Человеко–Бог». На основе самопознания (независимо от образа Христа) он способен достигнуть богоподобности.

«Человеко–Бог» становится совершенным, благодаря своему приобщению к образам, которые возникают на основе собственных представлений, а не приобщаясь непосредственно к Божьему образу и не на основе религиозных чувств. Это объясняется индивидуальными переживаниями самого человека, следовательно, он обретает спасение от себя самого, а не от Бога.

Ставрогин, Раскольников хотят обладать свободой не по Божьей воле (как «Бого–человек»), а по собственному произволу (как «Человеко–Бог»). И, в результате, такая свобода оборачивается для этих людей, во-первых, внутренним духовным опустошением, а во-вторых, они становятся рабами собственных амбиций, капризов, фантазий и желаний.

Для большинства религий, верований и для самого человека стремление к божественному характерно и является естественным. Образ Бога для людей – это некий архетип, но этот архетип раскрывается и осознается по–разному: либо в истинном пути к Богу, либо в ложном (предложенном в последнем романе «Братья Карамазовы» Великим инквизитором). В результате «Человеко–Бог» приобретает независимость от нравственных норм и живет, потакавая своим прихотям и желаниям. Данный вывод хорошо проиллюстрирован в главе «Великий инквизитор» романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: *«О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволим грешить. Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения; позволяем же им грешить потому, что их любим, наказание же за эти грехи, так и быть, возьмем на себя «...» Тихо умрут они, тихо угаснут во имя твое и за гробом обряцут лишь смерть. Но мы сохраним секрет и длящих же счастья будем манить их наградой небесною и вечною... »* [5, с. 325].

Можно заключить, что во всем творчестве Достоевского теория сильной личности, теория «Человеко–Бога» – это мятеж, но мятеж человека против себя самого, против собственной природы. В последнем романе писателя «Братья Карамазовы» теория «сильной личности» представлена во всех главных персонажах произведения. Здесь «сверхчеловек» переходит в «Человеко–Бога», который ничего не боится, который творит новую мораль, изобретает то, чего до него еще не существовало.

Дмитрий Федорович Карамазов, по сути, является главным героем романа и выступает как **«стихийное» воплощение теории «сильной личности»** писателя. Основная сюжетная интрига связана с двумя любовными линиями Дмитрия: а) Дмитрий – Катерина Ивановна Верховцева; б) Дмитрий – Грушенька Светлова. Соперничество с отцом, Федором Павловичем Карамазовым, за руку и сердце Грушеньки также является сюжетобразующим элементом романа.

Специфической чертой характера Дмитрия является стремление к самоуничтожению. Сначала герой хочет заколоть себя шпагой (рассказывая своему брату Алексею о Катерине Ивановне и пяти тысячах); потом он признается Алеше, что потратил три тысячи Катерины Ивановны («...А что ты думаешь, застрелюсь, как не достану трех тысяч отдать...» [5, с. 203]); на дороге к монастырю старший брат признается, что хотел свить веревку из рубашки и повеситься, чтобы «не бременить уж более землю своим присутствием» [5, с. 218]; в тюрьме во время свидания с Алешей Дмитрий рассуждает о перспективах и делится с братом своими мыслями («...А без Груши что я там под землей с молотком-то? Я себе только голову раздроблю этим молотком!..» [5, с. 231]), а в сцене с купцом Самсоновым Ф. М. Достоевский дает понять, что герой дошел до черты, он уже погиб («...погиб и ищу последнего выхода, а не удастся, то хоть сейчас в воду...» [5, с. 247]).

Со *стихийной* точки зрения теория «сильной личности» полностью воплощается в образе Дмитрия Карамазова. Личность героя очень интересна: она сочетает в себе благородство души и, одновременно с этим, беспутство и безалаберность, добро и зло. Дмитрий воплощает собой тот тип «Человеко–Бога», который совершенно независим от нравственных норм морали, он живет, потакая своим фантазиям и желаниям. Действуя под влиянием страстей и порывов, в герое проявляется неукротимая чувственность. Это и есть сила «карамазовщины», о которой говорит средний брат Иван в разговоре с Алешей. Мучения, которые испытывает Дмитрий

Карамазов в своей душе, связанные со страстью, ревностью к Грушеньке и отвращением к собственному отцу Федору Павловичу, составляют трагедию героя и эмоциональное напряжение романа.

Иван Федорович Карамазов является «интеллектуальной квинтэссенцией» теории «сильной личности» Ф. М. Достоевского и выделяется среди остальных героев романа своим умом, образованием и ясностью мышления. Он представляет одинокую, отстраненную фигуру, которая стоит выше всех других. С первых страниц Ф. М. Достоевский стремится заинтересовать нас своим героем: энигматичность, таинственность, гордость – все это заставляет нас выделить Ивана Карамазова среди других персонажей романа.

Рассматривая героя в диалогах со старцем Зосимой, мы можем отметить его противоречивость: он не может решить вопрос о вере «в положительную» сторону, но не может и в «отрицательную». Сам старец верно отмечает, что сердце Ивана «высшее, способное такой мукой мучиться» [5, с. 108].

Иван Карамазов обладает рационалистическим умом, его слог прекрасно отточен, но, вместе с тем, ему присущи противоречия и слабости. Таким образом, Ф. М. Достоевский показывает своего героя воодушевленным юношей с искренними чувствами. Постоянное колебание героя между сознательным и бессознательным в себе приводит его к следующему умозаключению: с одной стороны, ему жалко всех людей, с другой – он никогда не сможет понять, как можно любить своих ближних.

Альбер Камю считает, что «драмой Ивана Карамазова является переизбыток любви, не знающей на кого излиться. Поскольку эта любовь не находит применения, а Бог "отрицается", возникает решение одарить ею человека во имя благородного сострадания» [6, с. 68].

Мысль Достоевского о том, что отрывающая людей друг от друга индивидуалистическая цивилизация, которая порождает особенный склад мышления, подробным образом раскрывается в главе «Бунт», приобретая черты богоборчества. Иван Карамазов отрицает не Бога, а его благодати: «Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, Им созданного... не принимаю и не могу согласиться принять...» [5, с. 126]. Он не верит в Бога, но в то же время не может принять своего неверия. Образ мысли Ивана являет собой религиозность, но эта религиозность выходит на первый план, отстраняя веру.

Таким образом, Иван Карамазов отвращает свое лицо от Бога, прекрасно понимая, что его ждут муки, но ему более уже не нужно воздаяние. В его душе простерлась огромная бездна – конфликт между умом и сердцем. Причина бунта Ивана – несовместимость истины и

веры. Герой отказывается от бессмертия, осознавая, что в мире есть неповинные страдания. В образе своего героя Ф. М. Достоевский воплотил интеллектуальную философию бунтующего человека.

Третий сын Федора Павловича **Алексей** дается Ф. М. Достоевским в романе как **антагонист всех трех братьев**: натура тонкая, чувствующая, открытая, искренняя и целомудренная: «...статный, краснощекий, со светлым взором, пышущий здоровьем «...» подросток. Он был в то время даже очень красив собою, строен, средневысокого роста, темно-рус, с правильным, хотя несколько удлинненным овалом лица, с блестящими темно-серыми широко расставленными глазами, весьма задумчивый и по-видимому весьма спокойный...» [5, с. 301].

В романе Алексей занимает совершенно уникальное место: обладая бесстрашием и волей, он воплощает в своем облике совесть своих братьев. Несмотря на то, что в сюжете романа герой задействован мало, его душа буквально перенасыщена событиями. В течение нескольких дней ему предстояло пережить смерть своего духовного наставника старца Зосимы; убийство Федора Павловича, своего отца; гибель в социальном плане родного брата Дмитрия; духовный коллапс старшего брата Ивана; самоубийство Смердякова и смерть Ильи, маленького мальчика, в чьей жизни он сыграл немалую роль.

Изначально Достоевский хотел сделать Алексея прохожим на Ивана, таким же философом-интеллектуалом, но в окончательном варианте романа автор пересмотрел свои взгляды и вывел доминантой не силу ума, а мудрость сердца.

Немецкий мыслитель и эссеист Романо Гуардини считает, что Ф. М. Достоевский наделил образ Алексея Карамазова «...исключительной целостностью и определенностью, придал ему не только глубину и завершенность, но и необыкновенную "масштабность"» [4, с. 210].

Можно считать, что «бунт» Алексея против Провидения является отголоском «бунта» Ивана Карамазова: младший брат принимает божий мир по своей собственной вере, Иван – с иронией, насмешкой (главное – понять его смысл).

Являясь антагонистом теории «сильной личности» Достоевского, Алексей обладает самым главным качеством (по определению автора) – бесстрашием. Бесстрашие является признаком избранности.

Но не только бесстрашие помогает Алексею бороться с «карамазовщиной»: ясность духа, твердость характера, укрепление духовных сил (благодаря старцу Зосиме) и полный спектр эмоций,

которые проявляются в герое на протяжении всего повествования, помогают ему преодолеть ее и найти жизненные ориентиры.

Целомудрие, которым обладает герой, исходит от него изнутри, благодаря духовным качествам Алексея. Его образ противопоставлен не только всем другим образам романа, но и безнравственному, аморальному миру «карамазовщины».

В заключении хотелось бы отметить мастерство Ф. М. Достоевского: несмотря на то, что образы и характеры всех трех братьев очень сильно различаются между собой, автор старается изобразить их как духовное единое целое. Можно сказать, что перед нами один герой, единая натура, которая выражает теорию «сильной личности» писателя.

Список литературы:

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – Москва, Художественная литература, 1972. 464 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. – Москва, ООО «Эксмо», 2016. 512с.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – Москва, Правда, 1989. 608с.
4. Гуардини Р. Человек и вера. – Брюссель, Жизнь с Богом, 1994.321 с.
5. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. – Москва, Художественная литература, 1981. 487 с.
6. Камю А. Бунтующий человек. – Москва, Терра, 1999. 415 с.

РАЗДЕЛ 4.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

4.1. РУССКИЙ ЯЗЫК

МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ КАК СОЦИАЛЬНАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ РЕЧИ

Перепелицына Юлия Ростиславовна

*канд. филол. наук, доцент, Гуманитарный институт,
Северо-Кавказский федеральный университет,
РФ, г. Ставрополь*

Зарамышева Динара Артуровна

*студент, Юридический Институт,
Северо-Кавказский федеральный университет,
РФ, г. Ставрополь*

YOUTH SLANG AS A SOCIAL KIND OF SPEECH

Yuliya Perepelitsina

*candidate of Philology, assistant professor, Humanitarian Institute,
North-Caucasian Federal University,
Russia, Stavropol*

Dinara Zaramysheva

*student, Legal Institute, North-Caucasian Federal University,
Russia, Stavropol*

Аннотация. В данной научной работе освещены проблемы речевого использования сленга или жаргона, при этом особое

внимание хотелось уделено раскрытию возможных причин сопроводивших проникновения данной лексики в язык.

Abstract. In this research the problem of the use of speech or slang jargon is discussed. Special attention should be paid to the disclosure of the possible reasons to accompany the penetration of the vocabulary in the language.

Ключевые слова: сленг; жаргон; разновидность речи; молодежная речь; табуированная лексика.

Keywords: slang; jargon; kind of speech; Youth speech; taboo vocabulary.

В российской лингвистике толкование таких терминов, как сленг и жаргон вызывает множество споров. Многие известные ученые-лингвисты, такие например как Л.И. Антрушина, И.В. Арнольд, С.А. Кузнецова не разграничивают сленг и жаргон. Два этих термина, по мнению данных ученых, толкуются одинаково, то есть являются речью социально и профессионально обусловленной группы, выступая при этом как элемент речи, не соответствующий норме литературного языка [1, 55-65].

Но так же, по-моему, необходимо обратиться, к такому небезызвестному лингвисту, как В.Н. Ярцева. Она, толкуя, понятие сленг, предлагает называть его совокупностью жаргонизмов, которые чаще всего употребляют определенные социальные группы [7, 151].

Для более точного анализа, данных терминов, мы обратимся к И.Р. Гальперину. Он, в своих изысканиях, жестко разграничивает данные понятия, говоря о том, что жаргон имеет социальную, а не местную принадлежность, и в свою очередь представляет собой кодовую концепцию, соответствующую конкретному словарному определению. Сленг же, в отличие от жаргона, не требует интерпретация. Проще говоря, сленг не является секретным кодом. И мы можем говорить о том, что сленг, понимают именно те индивиды, которые владеют данным языком-кодом, но при этом использование данных слов воспринимается ими как нечто не совсем привычное или же как «искажение нормального языка». Говоря о жаргонизмах, лингвист отмечал, что они могут, как бы, кочевать из какой-либо одной социальной группы в другую, а с течением времени, в какой-то степени могут стать нормой литературного языка [8, 104-116].

В данной работе, хотелось бы рассмотреть понятие «сленг» как синоним слова «жаргон». Данные понятия, в некотором роде, будут пониматься, как некая разновидность речи, которая будет

характеризоваться нетрадиционной лексикой, с применением особых словообразовательных средств.

Молодежная речь, на данном этапе развития нашего общества, в большей части состоит из сленга, или жаргона, и лишь незначительная часть их речи представляет собой «ученический жаргон». И в связи с этим, необходимо выделять ряд причин использования молодым поколением сленга (жаргона).

Наиболее важной причиной, можно считать, то факт, что индивиды, в общении друг с другом, стремятся оставаться наиболее непонятными для сторонних наблюдателей. Второй причиной, является стремление отдельных лиц к речевой выразительности, которую весьма сложно достичь, пользуясь лишь литературной лексикой. И, конечно же, третья причина, которая выражается в вынужденной языковой дифференциации между поколениями, по мнению психологов и лингвистов, становится возрастающей темп жизни, за которым представители старшего поколения не всегда успевают. Появление социальных сетей в интернете способствует тому, что в языке подрастающего поколения все чаще встречаются простые вербальные конструкции, которые максимально упрощают процесс передачи мысли, что вызывает критику консерваторов-лингвистов.

Так же не последнюю роль, занимает проблема, «англизации» русского языка. Большая часть жизни любого современного человека связана с компьютерами, где основные программы издаются на английском языке. То есть английский язык, становится своеобразным языком интернет-общения, которым активно пользуется все страны мира, и даже проникает в такие сферы, как телевидение, пресса. Следует отметить, что процесс заимствования проходит в таких ускоренных темпах, что словари не всегда успевают фиксировать необходимые изменения [2, 4]. То есть сознательное употребление молодежью заимствованных слов, увеличивает пропасть между поколениями.

Но наибольшей проблемой, в молодежном сленге, конечно же, необходимо считать, употребление ненормированной (табуированной) лексики. Привлекательность данной лексики для молодого поколения заключается в определенном удобстве выражения мысли, ее доступность, простота и некая своеобразная гибкость. В данном вопросе так же необходимо обратиться к мнению психологов, которые предполагают, что существует несколько причин, предшествующих «ругательству», то есть условия, вызвавшие такую реакцию индивида. Немецкий лингвист А. Райнхольд создал цепочку, которая была представлена таким образом:

1. Первый этапом выступает фрустрация – чувство разочарования;

2. Второй этап аффект – состояние наивысшего напряжения;

3. И последний этап агрессия – ругательства.

Ругательство выступает в роли агрессивного действия, совершаемого в состоянии возбуждения, которое чаще всего вызвано психологически некомфортной ситуацией. Многие психологи выступали с мнением, что ругательства в речи людей, это эмоциональная разрядка, способствующая восстановлению психологического равновесия. Еще Ф. Ницше говорил о том, что негативное психическое состояние порождает в человеке чувство агрессии [5, 300], что без должной эмоциональной разрядки, со временем, приводит к нарушению психики индивида.

Но нельзя не сказать, о том что, многие люди, по мнению профессора психологии Туринаского университета Т.Дж. Галлино, ругаются не для выражения собственных чувств, а лишь потому, что им просто нравится ругаться, эти люди тем самым, выражают, конечно, не всегда уместную, иронию [3, 4].

В заключение, хотелось бы отметить, что в целом молодежный сленг (жаргон) как разновидность речи, в современном мире играет большую роль. Так как молодежь, да и люди старшего поколения, в большинстве своем, в повседневной жизни не могут не использовать сленговую речь. То есть, для искоренения, молодежного сленга (жаргона) из речи большинства жителей земли, потребуется не один десяток лет.

Список литературы:

1. Антрушина Г.Б. Стилистика современного английского языка. СПб., 2002. - 288 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика. М., 2002. - 384 с.
3. Галлино Т.Дж. Мат из любви к искусству [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.grammar.ru>, 2003. Литература клористика: Сб. науч. ст. Вып .2. Славянск на Кубани, 2003. – 78 с.
4. Кузнецова С.А. БТС русского языка. СПб., 2000. – 1536 с.
5. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое; Веселая наука; Злая мудрость: Сборник. М., 1997. – 704 с.
6. Электронный словарь “Pocket Oxford Dictionary March”. 1994.
7. Ярцева В.Н. Языкознание//БЭС. М., 1998. – 685 с.
8. Borneman E. Sex im Volksmund. Der obzone Wortschatz der Deutschen. Hamburg, 1974; Galperin I.R. Stylistics. M., 1992. – 153 с.
9. Hoberg R. Sprechen wir bald alle Denglisch oder Germeng? // Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. Sprachkultur oder Sprachverfall?; Karin M. Eichhoff; Dudenverlag. MannheimLeipzig-Wien-Zürich, 2000. 393с.

4.2. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Амирова Рафига Амирбаба гызы
аспирант, Бакинский Славянский Университет,
Азербайджан, г. Баку

THE GOSPEL PHRASEOLOGY IN RUSSIAN LANGUAGE

Rafiga Amirova
graduate Student, Baku Slavyan University,
Azerbaijan, Baku

Аннотация. В статье рассматриваются российские фразеологизмы, пришедшие в современный язык из Евангелия. Показано, что в истории русского литературного языка не существует какого-либо другого более влиятельного письменного документа, чем Евангелие. Говоря о влиянии письменных памятников на литературный язык, следует упомянуть Тору и Евангелие, фразеологизмы из которых полностью ассимилировались в современном русском языке. Таким образом, русский язык усвоил выражения из названных источников.

Abstract. The article deals with the Russian phraseological units deriving from the Gospel. It is shown that in the history of Russian literary language there is no any other more influential written document that the Gospel. When they speak about the influence of written monuments on literary language one should mention Torah and Gospel. In modern Russian those phraseological units are completely assimilated. Thus, Russian language has assimilated the expressions from those sources.

Ключевые слова: Библия; фундаментальный текст; источник фразеологизации; экспрессия; этимон; афоризм.

Keywords: Bible; fundamental text; source of phraseologisation; expression; etymon; aphorism.

Лишь нескольким памятникам письменности удалось оказать исключительно влияние на развитие литературных языков мира. На первом месте в этом ряду стоят, разумеется, Библия и Коран. Можно сказать, что формирование национальных литературных языков начинается с принятия соответствующих конфессий, чтения этих великих книг и их всеохватывающего влияния на психологию и языки народов. В истории новых европейских языков формирование их национальных литературных традиций начинается с переводов Библии на эти языки. Вот что читаем о Мартине Лютере и его переводе на немецкий язык Библии в новейшей философской энциклопедии: «Осуществил перевод Библии на немецкий язык («Библия, которая есть полное Священное писание на немецком», 1534), сыгравший важнейшую роль в конституировании немецкого литературного языка» [2, с.590].

Столь же исключительное значение имели переводы Библии на все языки христианских народов. Так, академик А.А. Шахматов пишет следующее: «По своему происхождению русский литературный язык – это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие» [7, с.60]. Такое иноземное происхождение русского литературного языка непосредственно связано с деятельностью Кирилла и Мефодия. Церковнославянский язык – это язык библейских переводов. Правда, А.А. Шахматов добавляет, что «Памятники XI в., т.е. первого столетия по принятии Русью христианства, доказывают, что уже тогда произношение церковнославянского языка обрусело, утратило чуждый русскому слуху характер; русские люди обращались, следовательно, уже тогда с церковнославянским языком как со своим достоянием, не считаясь с его болгарским происхождением, не прибегая к иноземному учительству для его усвоения и понимания» [7, с.61]. Для нас важно то обстоятельство, что перевод Библии привел к тому, что язык этого перевода, чуждый по происхождению, стал выполнять функцию литературного языка.

Таким образом, язык Библии сыграл исключительно важную роль в истории русского языка. Можно смело сказать, что вся книжная культура начинается с культурного факта крещения. Так, в энциклопедии «Русский язык» написано, что «Начальный период славяно-русской лексикографии датируется ХХI в. Самый старый из дошедших до нашего времени русских глоссариев – словарь (в 174 слова), приложенный к Кормчей книге 1282. В др.-рус. л. при всем ее

синкретизме выделяются следующие виды словарей: 1) словари собственных имен, т.н. ономастиконы, напр., «Речь жидовского языка», словарь иностранных слов, в основном собственных имен, упоминающихся в Библии; 2) словари символики, т.н. приточки (от слова притча), напр., «Толк о неразумных (т.е. непонятных) словесех псалтырных» – сборник слов с символическим смыслом; 3) словари славяно-русские, толкующие непонятные слова книжной речи (преим. из церковнослав. книг); 4) словари-разговорники – первые переводные словари, напр., «Речь тонкословия греческого» [4, с.124-125].

Появление Библии на Руси становится мощнейшим стимулом для развития книжной культуры. Как видим, все виды древнерусских словарей так или иначе связаны с объяснением библейских книг, различных типов лексических и фразеологических единиц. Поэтому, естественно, в этих словарях находят объяснение прежде всего слова древнееврейского и греческого происхождения. На втором месте стоят слова латинские.

На русской почве древнеболгарский язык как язык библейских переводов смешивается с живым разговорным языком русского народа. Так называемый церковнославянский язык представляет собой не что иное, как смешение книжного старославянского языка с разговорным русским языком. Академик В.В. Виноградов пишет: «Русским литературным языком средневековья был язык церковнославянский. Во второй половине XVII в. резко проявился внутренний распад системы церковнославянского языка, обозначившийся еще в XVI в. Изменения в структуре церковнокнижной речи были связаны с ростом литературного значения «светских» – деловых, публицистических, повествовательных – стилей русского письменного языка и с расширением литературных прав бытовой речи» [1, с.10].

Таким образом, можно считать, что Библия, книги Ветхого и Нового Заветов сыграли исключительную роль в становлении и развитии литературных языков Новой Европы. Не случайно изучение новых европейских языков всегда начиналось с изучения языка библейских переводов. Крупнейшие специалисты в области русистики всегда считали, что изучение старославянского языка имеет большое историко-культурное значение. Без знания старославянского языка невозможно изучение не только языков, но и литературы, культуры и истории славянских народов. Как известно, старославянский язык – это и есть язык перевода Библии на славянские языки. Таким образом, с перевода этого памятника начинается славянская письменность. Национальные литературные языки славян, в том числе и русских, начинаются со старославянского языка и его смешения с русской

народной стихией. Однозначно можно заявить, что Библия – это единственный памятник, оказавший и продолжающий оказывать исключительное влияние на русский литературный язык. Однако несмотря на это, в русистике очень немного работ, посвященных языку Библии, все они носят фрагментарный характер. Следует также отметить, что собственно русский перевод этого памятника был выполнен поздно, к концу XIX столетия. Все сказанное объясняет актуальность изучения русского литературного языка с точки зрения библейской фразеологии.

Столь же исключительное значение имел перевод Библии на английский язык. А.В. Кунин в этой связи пишет следующее: «Библия является важнейшим литературным источником ФЕ. «О колоссальном влиянии, которое оказали на английский язык переводы Библии, говорилось и писалось много; в течение столетий Библия была наиболее широко читаемой и цитируемой в Англии книгой; не только отдельные слова, но и целые идиоматические выражения (часто буквальные переводы древнееврейских и греческих идиом) вошли в английский язык со страниц Библии. Число библейских оборотов и выражений, вошедших в английский язык, так велико, что собрать и перечислить их было бы весьма нелегкой задачей». Библейские ФЕ являются полностью ассимилированными заимствованиями» [3, с.57].

Огромное значение в указанном аспекте приобретает сравнительное изучение библейской фразеологии. Во-первых, подобное исследование дает возможность увидеть конкретное преломление библейского мировидения сквозь призму того или иного языка. Во-вторых, в этом случае удастся выявить сами семантические различия в лексических системах, наложенных на библейский смысл.

Необходимо особо отметить еще одну деталь. Как на английский, так и на русский язык оказала особое влияние не просто система библейских понятий и символов, не просто лексико-семантическая и фразеологическая система Библии, а непосредственно новозаветная семантика. Даже те специфические слова и фразеологизмы, которые часто встречаются в Ветхом Завете, стали известны англичанам и русским через книги Нового Завета. Поэтому все эти выражения могут считаться заимствованиями из евангелий и других новозаветных книг.

С самого начала следует отметить, что в таком памятнике письменности, как Библия, почти каждое предложение или словосочетание может приобрести афористический смысл и в силу этого рассматриваться как фразеологическая или паремиологическая единица. Критерием библейского происхождения или, например, общенародного часто не может служить и словарная справка.

Например, во Фразеологическом словаре русского языка под редакцией А.И. Молоткова (далее ФСРЯ) следующим образом описывается русский фразеологизм *нести крест*: «Нести крест. Терпеливо переносить страдания, испытания, тяжелую судьбу» (6, с.276). Не отмечается, что данный фразеологизм восходит к евангелиям. В то же время в тех случаях, когда авторы ФСРЯ знают о библейском происхождении единицы, они дают справку. Например, в том же Словаре: «Обетованная земля. 1. Место, куда кто-либо страстно мечтает, стремится попасть... 2. Предмет страстных желаний, устремлений, надежд и т.п... 3. Место, где царит довольство, изобилие, счастье... Выражение из Библии, означавшее «обещанная земля» (Палестина), т.е. земля, которую бог обещал евреям, выводя их из египетского плена» [6, с.173-174].

Для сравнения полезно обратиться к другому фразеологическому словарю русского литературного языка под редакцией А.И. Федорова (далее – ФСРЛЯ). В этом Словаре фразеологизм *нести крест* вообще не отмечается. Однако присутствует фразеологизм *тяжелый (тяжкий) крест*. В ФСРЛЯ написано: «Тяжелый (тяжкий) крест. Экспрес. О тяжелой доле, трудной судьбе кого-либо ...Из евангельской легенды о Христе, несшем крест, на котором его должны были распять» [5, 1, с. 261].

Как видим, в одних случаях о библейском происхождении сведения даются, в других случаях они отсутствуют.

Интересно также отметить то обстоятельство, что по поводу одних и тех же фразеологизмов существуют разные мнения. Так, в ФСРЯ фразеологизм *петь лазаря* сопровождается следующей этимологической справкой: «От евангельской притчи о нищем Лазаре, который лежал в струпьях у ворот богача и рад был напиться крохами с его стола» [6, с.319]. В то же время из русской литературы мы знаем, что существовала песня под названием «Лазарь», которую хором пели нищие перед церковью, выпрашивая себе таким образом милостыню.

А.В. Кунин утверждает, что библейская фразеология полностью ассимилирована в английском языке. Это обстоятельство характерно и для русского языка. В целом именно оно становится причиной того, что евангельское, или, шире, библейское выражение воспринимается как народное, не связывается в сознании носителей русского и английского языка с письменным памятником.

Таким образом, почти любое предложение из Евангелия может выступать в живой речи в функции фразеологизма, пословицы, поговорки, афоризма или крылатого выражения. Вместе с тем

существуют выражения, в силу афористичности оторвавшиеся от исходного текста и устойчиво воспроизводящиеся в речи. Эти выражения превращаются в общезыковые, и их необходимо отличать от любого библейского выражения, способного выступать в функции афоризма. Именно последнее обстоятельство позволяет говорить о Библии как о неиссякающем источнике фразеологизации, то есть как о памятнике, язык которого и сегодня может служить источником образования фразеологизмов.

Список литературы:

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. – М.: Высшая школа, 1982.
2. Всемирная энциклопедия. Философия. – М.: АСТ, 2000.
3. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. – М.: Международные отношения, 1972.
4. Русский язык. Энциклопедия. – М.: Совет. Энци., 1979.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. – Новосибирск: Наука, 1991.
6. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986.
7. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. – М.: Гос. учпедгиз, 1941.

АНАЛИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ (НЕОЛОГИЗМОВ) В СМИ

Шагеева Анна Алексеевна

*канд. филол. наук, доцент, Уральский Федеральный университет
имени первого президента России Б.Н. Ельцина,
РФ, Екатеринбург*

Хромых Анастасия Андреевна

*магистрант, Уральский Федеральный университет имени первого
президента России Б.Н. Ельцина,
РФ, Екатеринбург*

ANALYTIC INVESTIGATION OF LEXICAL UNITS (NEOLOGISMS) IN MASS-MEDIA

Anna Shageeva

*candidate of Philological Science, assistant professor, of Ural Federal
University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Russia, Yekaterinburg*

Anastasia Khromykh

*master's degree student, of Ural Federal University named
after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Russia, Yekaterinburg*

Аннотация. Авторами данной статьи методом сплошной выборки были выбраны неологизмы в работах журналиста журнала Time. Производится анализ употребления найденных неологизмов и определение их функций.

Abstract. The authors of this article have chosen neologisms from the works of Time journalists. There is also an analytic investigation of found neologisms and their functions.

Ключевые слова: неологизмы; конвертированные неологизмы; словосложение.

Keywords: neologisms; converted neologisms; stem-composition.

Любой язык постоянно переживает изменения и находится в динамике. Словарный запас языка – самый подвижный пласт, реагирующий на изменения в общественной, культурной и других сферах жизни человека.

Появление новых слов – это не управляемый человеком процесс. По мнению В.И. Заботкиной, сегодня, английский язык, как и многие другие языки, переживает «неологический бум» [1, с. 25]. Основные сферы появления новых слов: политика (выборы президента США, выход Великобритании из Европейского союза), создание новой техники и технологий.

Согласно Н.М. Шанскому, неологизмы – «новые лексические образования, которые возникают в силу общественной необходимости для обозначения нового предмета или явления, сохраняют ощущение новизны для носителей языка и которые еще не вошли или не входили в общелитературное употребление» [3, с. 158]. Свежесть и

необычность такого слова, словосочетания или оборота речи ясно ощущается носителями данного языка.

Н.З. Котелова выделяет 3 вида неологизмов: лексические, семантические и окказионализмы [2, с. 27].

В.И. Заботкина делит новую лексику на следующие категории:

- собственно неологизмы
- трансноминации
- семантические инновации или переосмысления

Луи Гилберт предложил следующую классификацию новых слов:

- фонологические,
- заимствования,
- семантические,
- синтаксические, создаваемые путем комбинации

существующих в языке знаков

Для анализа были выбраны статьи Katy Steinmetz, журналистки журнала TIME в Сан-Франциско. В процессе анализа было рассмотрено около 30 статей данного автора. Все темы, рассматриваемые в данных статьях, можно разделить на 3 основные:

- Политика (*Teens Who Couldn't Vote Struggle to Accept President Donald Trump, How We Talk About Hillary Clinton Matters to Everyone, Hillary Clinton Promises a 'Very Contentious' Campaign Against Donald Trump* и т. д.)

- Нетрадиционная ориентация (*Janet Mock on What the Election Means for Transgender Americans, At Least 21 Transgender Americans Have Been Killed in 2016, Say Advocacy Groups, Why the North Carolina Governor's Election Is Such a Big Deal for LGBT People, These Cities Have the Most LGBT-Friendly Policies* и т.д.)

- Обзор новых языковых реалий (*What the Words Used to Describe Clinton and Trump Supporters Really Mean, Dictionary.com's 2016 Word of the Year Is Xenophobia, Oxford's Word of the Year for 2016 Is 'Post-Truth' How the 2016 Election Has Improved Our Vocabularies, Oxford English Dictionary Adds 'Merica, Gender-Fluid and Squee* и т.д.)

Все, использованные данным автором, лексические приемы можно разделить на:

- 1) Окказионализмы
- 2) Неологизмы
 - Морфологические
 - *Аффиксальные*
 - *Словосложение*
 - *Сокращения*

- Конвертированные
- Графические
- 3) Препозитивные атрибутивные конструкции
- 4) Заимствования
- 5) Blending

1) Окказионализмы

Trumpers

Clintonites

And even if it isn't, the descriptors most closely associated with Trumpers and Clintonites are worth a look.

2) Неологизмы

- Морфологические

- *Аффиксальные*

– *Brexiteer*

– *Clictivism*

– *Post-truth*

– *Adulging*

– *Katakanized*

– *coulrophobia*

The reaction left a lot of Brits with an eerie feeling: What is going to happen now that the Brexiteers have become the softies and the rest of Europe the hardliners?

HOW 'CLICTIVISM' HAS CHANGED THE FACE OF POLITICAL CAMPAIGNS

In this era of post-truth politics, an unhesitating liar can be king.

To say you are "adulging" is to, on some level, create distance between you and what are implied to be actual adults who are adulging 100% of the time and therefore have little reason to acknowledge it.

*Launching his game in the mid-90s, developer Satoshi Tajiri took the first syllables of each of those katakanized words— *poketomonsutā* — and mashed them together.*

In Blackpool, the organisers of the Showzam circus festival have decided the phenomenon of coulrophobia— fear of clowns — warrants some investigation.

- *Словосложение*

– *gender-fluid*

– *Poke-style*

– *Cheese eater*

Also notable is the addition of gender-fluid, a term describing someone who doesn't necessarily identify as male or female — or who might feel rather female one day and rather male the next.

In rare cases, if the term proves popular or useful enough, it then gets borrowed back by English speakers, coming full circle, poké-style.

A cheese eater from the moment I was born, I have always turned my nose up at the footling quoits and mini-pyramids of cream the French call cheese.

- *Сокращения*

- *YOLO – You Only Live Once*

**YOLO! HOW DO THEY CHOOSE NEW WORDS FOR THE
OXFORD ENGLISH DICTIONARY?**

- *Конвертированные*

- *Instagram – to Instagram*

Or it may be their fear that their peers will find the fact that they spent a lot of time making a Thanksgiving centerpiece kind of lame, so they use the term to make fun of themselves when they Instagram it.

- *Графические*

- *looooooong*

We've all gotten that looooooongtext from a rambling friend, or jilted lover, or parent who apparently believes there are prizes to be awarded for Most Letters Used In a Single Sitting.

3) *Препозитивные атрибутивные конструкции*

- *Pay-per-mile plans*

Think of it like a cell phone plan, with people signing up for monthly pay-per-mile plans in a certain class of car or a flat fee for unlimited miles in another.

4) *Заимствования*

- *Zeitgeist*

- *Pokemon (pokettomonsuta)*

- *emoji*

The selection builds on feelings that hadn't reached such an incendiary pitch last year, when Dictionary.com chose the word identity to sum up the zeitgeist of 2015.

"It's like karaoke on steroids!" Hopson says of Pokémon.

The first emojiconvention

"emojis," which comes from the Japanese words for picture (e-) and character (moji).

5) *Blending*

- *Emojicon (Emoji + convention)*

- *Boomburb (boom + suburb)*

The first emoji convention, Emojicon, held in San Francisco

These "boomburbs" are large, rapidly growing, incorporated communities of more than 100,000 residents that are not the biggest city in their region.

Все перечисленные выше лексические средства в найденных статьях выполняют следующие функции:

- 1) Номинативная (*emojicon, emoji, Pokémon, poke-style*)
- 2) Компрессивно-информативная (*boomburb, clicktivism, adulating*)
- 3) Функции дифференциации (*courlphobia*)
- 4) Диагностирующая функция неологизмов (*Trumpers, Clintonites, brexiteer, Instagram*)
- 5) Экспрессивная функция (*YOLO, butthurt, woke, squee*)
- 6) Функция эвфемизации (*gender-fluid*)

Таким образом, очевидно, что "новизна" неологизмов способствует выполнению различных функций, чем повышает эффект коммуникативности.

Неологизмы появляются активно в последние годы не только потому, что происходит много изменений и событий в обществе, но и потому, что появилась большая потребность в экспрессии в языке. Благодаря своей онтологической рематичности, то есть необычности, неожиданности формы и значения, неологизмы привлекают внимание читателя и таким образом выполняют различные функции.

Список литературы:

1. Заботкина, В.И. Новая лексика современного английского. – М.: Высш. шк., 1989. – 57с.
2. Котелова Н.З. Новое в русской лексике. Словарные материалы-80. – М.: Русский язык, 1984. – 176 с.
3. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964. 423 с.
4. Time [electronic resource]. – Mode of access: <http://www.theguardian.com/international> (датаобращения: 16.11.2016).

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ПРИЧАСТИЙ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ: РУССКОМ, ЛЕЗГИНСКОМ И НЕМЕЦКОМ

Шамилова Заира Мехтиевна

*соискатель, Дагестанский научный центр РАН,
РФ, Республика Дагестан, г. Махачкала*

TO THE QUESTION OF ADJECTIVE STATUS IN THE LANGUAGES OF DIFFERENT STRUCTURE: RUSSIAN, LEZGINIAN AND GERMAN

Zaira Shamilova

*applicant, Dagestan Scientific Centre RAN,
Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala*

Аннотация. В данной статье автор рассматривает точки зрения отечественных и зарубежных языковедов по вопросу статуса причастий в разноструктурных языках. Было определено, что первоначально причастие рассматривалось как самостоятельная часть речи, позже лингвисты стали определять его как неличную форму глагола, с одной стороны, и как имя, с другой. Вопрос о частеречной принадлежности причастия все еще не определен однозначно, но большинство исследователей выделяют причастие в самостоятельную форму глагола с признаками прилагательного.

Abstract. In this article the author reveals different points of view of our country's and foreign linguists regarding the status of the participles in languages with different structure. It was determined that first participles were regarded as a separate part of speech; later linguists determined them as non-finite verb forms, on one hand, and as a noun. The status of participles yet has not been determined. Still the majority of linguists define participles as a separate verb form with adjective indications.

Ключевые слова: причастие; разноструктурные языки; глагол; прилагательное; самостоятельная часть речи; неличная форма глагола; статус.

Keywords: participle; languages with different structure; verb; adjective; a separate part of speech; non-finite verb form; status.

В связи с тем, что нет единого мнения среди языковедов касательно семантико-грамматического статуса причастия, всё больше языковедов склоняют причастие к формам глагола.

В качестве самостоятельной части речи впервые причастие было выделено в трудах Аристарха Самофракийского, Дионисия Фракийского, позднее же в работах М. В. Ломоносова. В первой половине XIX века А.Х. Востоков начал рассматривать причастие в составе прилагательного [ЛЭС 1990: 252].

Интересным кажется замечание О. С. Ахмановой по данному вопросу: *“именная форма глагола, грамматически изменяющаяся (в русском языке) подобно именам прилагательным и обозначающая действие (состояние, процесс), приписываемое лицу или предмету как их признак (свойство), проявляющийся во времени”* [Ахманова 2007: 576]. У С.Е. Никитиной мы находим: *“Склоняемая глагольная форма”, “Именная форма глагола прилагательное”* [Никитина 1978: 144]. А. Мейе замечает следующее: *“Именные формы от глагольных основ”, “прилагательное”* [Мейе 1938: 168, 336]. У Барроу: *“Именные формы”* [Барроу 1976: 342].

Для определения морфологического статуса причастий мы считаем необходимым обратиться к истории причастий. Рассмотрим для этого индоевропейский праязык.

А. Мейе замечает по этому поводу, что «в индоевропейском языке четко противопоставлялись имя и глагол, а между ними были имена с глагольной основой» [Мейе 1938]. Под именами с глагольной формой понимаются, согласно А. Мейе, причастия.

А.Х. Востоков, один из русских основателей сравнительно-исторического языкознания, включил причастие в систему имени прилагательного, которому в его классификации впервые в русской лингвистике был дан статус самостоятельной части речи.

Изучая вопрос о статусе причастий в русском языке, К.М. Роева отмечает, что «в данном языке в причастии сохраняются основные семантические признаки глагольности, то есть вид, время и залог, со стороны же имен прилагательных присоединяются сюда формы согласования в роде, числе и падеже» [Роева 2007].

Если обратиться к дагестанским языкам, в частности, лезгинскому, то здесь следует отметить, что вопрос об определении статуса причастий долгое время стоял очень остро. Отечественными исследователями лезгинского языка (М.Е. Алексеев, Р.И. Гайдаров, К.Р. Керимов, Н.Ш. Абдулмуталибов) было предпринято множество попыток включения или же невключения причастий лезгинского языка в отдельную часть речи. Однако последние исследования по данному

вопросу, проведенные известным языковедом К. Р. Керимовым, доказывают, что «лезгинские глагольные формы, употребляемые в функциях причастий, не являются адъективами в полном смысле слова. Данное предположение находит подтверждение в том, что данные формы, рассматриваемые как причастия, не нуждались в праязыковые периоды и не нуждаются в современном языке в адъективации специальными морфологическими средствами для того, чтобы выступать в роли качественно-действенных определений» [Керимов 2002: 95].

Обратимся к рассмотрению данного вопроса в немецком языке. В данном языке исследуемый вопрос также не нашел единства. Известно, что на протяжении многих лет существовала проблема определения статуса причастий в системе частей речи. Здесь стоит отметить, что большинство авторов немецких грамматик определяют причастие рассматриваемого языка как нефинитную форму класса «Глагол» (Г. Пауль, В. Вильманс, О. Бегахель, В. Юнг, Г. Хельбиг, Й. Буша, В.Г. Адмони, В.Е. Кульбацкая и др.).

Причастия определяются как составная часть класса «глагол». Это те авторы грамматик (Айзенберг, Москальская, Шендельс и др.), которые опираются на присущую причастиям немецкого языка грамматическую семантику: выражение ими видовых и залоговых значений, временных отношений, на наличие совпадающих с мотивирующими глаголами синтаксических связей (валентности).

С другой стороны, причастия рассматриваются как составная часть класса «Прилагательные». Приверженцы этой точки зрения (Зюттерлин, Хайзе) полагают, что наличие у причастий некоторых общих с прилагательными синтаксических и морфологических, а также словообразовательных характеристик лежит в основе данной позиции. В частности, они ссылаются на: употребление причастий в атрибутивной, адвербиальной и предикативной функциях, изменение по родам, числам, падежам, по степеням сравнения, способность образования различных отпричастных образований.

Итак, мы видим, что причастие возникает как звено, связующее имя и глагол. Можно предположить, что причастие есть выражение связи свойств (прилагательное) конечного (существительное), с его движением / изменением / развитием (глагол) в пространстве – времени.

Таким образом, существуют различные точки зрения на проблему частеречной принадлежности причастия. Большинство исследователей выделяют причастие в отдельную (самостоятельную) неличную форму глагола, соединяющую черты глагола и прилагательного. Основанием

для этого является наличие собственной парадигмы и грамматических категорий (залога, вида и временной отнесенности, а в русском языке - к грамматическим категориям глагола добавляются грамматические категории имени: склонение по числам, лицам, падежам) [Роева 2007]. Иными словами, потенциал функционирования причастия предположительно может принадлежать диапазону глагола и прилагательного, не исключая возможность их комбинирования.

Список литературы:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
2. Барроу Т. Санскрит. Перевод с английского. Редакция и комментарий Т.Я. Елизаренковой. – М.: Прогресс, 1976. – 414 с.
3. Керимов К.Р. Контрастная аспектология лезгинского и русского языков. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2002. – 265 с.
4. Лингвистический Энциклопедический словарь (ЛЭС) / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. - 682 с.
5. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков // Электронная лингвистическая библиотека [<http://superlinguist.ru/>]. URL: http://superlinguist.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=426:2010-09-30-15-34-45&catid=4:2009-11-23-13-33-15&Itemid=16 (дата обращения 15.01.2016).
6. Никитина Е.С. Тезаурус по теоретической и практической лингвистике. автоматическая обработка текста / Отв. Ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1978.– 144 с.
7. Роева К.М. Проблемы категориального статуса причастия // Научная электронная библиотека E-library [<http://elibrary.ru/>]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9533245> (дата обращения 07.02.2014).

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

*Сборник статей по материалам II международной заочной
научно-практической конференции*

№ 2 (2)
Декабрь 2016 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 22.12.16. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 3,625. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
127106, г. Москва, Гостиничный проезд, д. 6, корп. 2, офис 213
E-mail: philology@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

ISBN - 978-5-00021-090-1

9 785000 210895